

UNITED WISDOM

Ибн Сина: сущность, существование и душа

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-25-N02 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Ибн Сина: сущность, существование и душа

> *«Его сущность существует.»*
>
> *Ибн Сина, Книга исцеления, «О душе», I.1, 15.17–16.17, фрагмент мысленного опыта; английский перевод в исследовании Peter Adamson и Fedor Benevich, с. 148. Русский перевод автора статьи с английского. Это положение, которое предполагаемый участник опыта утверждает о себе, а не отчёт об эмпирической проверке.*

О чём эта статья

План дома может быть безупречным, пока самого дома ещё нет. Эта простая разница открывает один из вопросов Ибн Сины: что значит понимать, чем вещь является, и что значит утверждать её существование? Мы рассмотрим различие сущности и существования, возможного и необходимого, затем перейдём к душе и знаменитому мысленному опыту «парящего человека». Его задача — философски исследовать самоосознание, а не заменить наблюдение за мозгом или провести опыт сенсорной изоляции. Сопоставление с Декартом, Фомой Аквинским и буддийской проверкой совокупностей покажет, почему похожие слова о Я и необходимости не гарантируют одинакового вывода. Современные примеры помогут увидеть различия между описанием, наличием и способом объяснения. Они принадлежат нашему анализу, не являются доказательством метафизики Авиценны и не требуют заранее принять её. Внимательное чтение оставляет место и последовательному доводу, и возражению против перехода, который кажется слишком быстрым.

I. Что это — и есть ли это

Сущность отвечает на вопрос, что представляет собой вещь; существование — на вопрос, есть ли она. У Ибн Сины это различение связано с устройством метафизики, а не только с повседневным различием плана и результата. В исследовании его метафизики Амос Бертолаччи рассматривает различение того, что вещь собой представляет, и факта её существования, включая мысленное и внешнее существование.

На столе лежит чертёж дома, которого пока нет. Мы можем назвать число комнат, высоту потолков и расположение окон. О доме уже можно спорить: кому-то он кажется удобным, кому-то тесным. Однако никакая точность описания не позволит сегодня

открыть его дверь. Знать, что за вещь перед нами в мысли, и знать, существует ли она вне мысли, — разные задачи.

Это условный пример, но различие не условно для самого рассуждения. Мы постоянно путаем возможности, определения и факты. Человек описывает справедливый порядок и делает вид, будто уже показал его осуществимость. Другой ясно представляет будущий разговор и считает, что знает, как собеседник ответит. Третий может сказать, кто он по профессии, но не понимает, что именно означает для него собственное присутствие.

Наш чертёж показывает вход в вопрос, но не заменяет исторического учения. Чертёж существует как лист или файл. Содержимое чертежа существует как представление. Дом, о котором он сообщает, может ещё не существовать. Поэтому фраза «этого дома нет» нуждается в уточнении: нет построенного здания, но есть проект и есть понятный предмет разговора.

Такое уточнение не является словесной игрой. Оно защищает от перехода между разными смыслами одного утверждения. Например, автор проекта говорит: «Мы создали пространство для встреч». Возможно, действительно создано описание. Но пространство как доступное место встречи требует строительства, разрешений, ресурсов и действующего режима доступа. Их отсутствие нельзя компенсировать подробностью презентации.

Можно возразить, что вопрос «что это?» уже предполагает существование предмета. Иногда именно так устроена наша речь. Но предмет может быть воображаемым, ошибочно опознанным или обсуждаемым как возможность. Поэтому важен не запрет на вопрос, а ясность того, в какой области он задан.

В условном разговоре о себе это различие тоже работает ограниченно. Человек может сказать: «Я человек, который всегда поддерживает близких». Описание сообщает о желаемом или принятом образе. Чтобы понять, существует ли эта поддержка в конкретной ситуации, нужно рассмотреть действие. Нельзя вывести его наличие из красоты самоопределения.

Но не следует и обесценивать определение: оно может обозначить направление, в котором человек намерен действовать. Просто намерение не равно результату. Точное различение оставляет каждому своё место и позволяет увидеть работу, которой пока не хватает.

II. Возможное не является случайным пустяком

Возможное существование у Ибн Сины не означает, что вещь малозначительна или приблизительна. Речь о том, что её сущность сама по себе не делает её существование необходимым. Если она существует, вопрос об основании остаётся. В метафизическом разборе Бертолаччи эта линия приводит к различению необходимого само по себе и необходимого благодаря другому.

Важно не перепутать логический статус и степень уверенности наблюдателя. Человек может достоверно знать, что дерево растёт во дворе, и одновременно понимать, что оно могло не вырасти. Его существование не становится менее реальным от признания условий. И наоборот: сильная уверенность не делает событие необходимым само по себе.

Условный участник команды говорит: «Этот результат был неизбежен». Возможно, он хочет подчеркнуть закономерность. Но за фразой могут скрываться разные утверждения: результат действительно следовал из заданных условий; мы сейчас видим причины; мы просто не рассматриваем альтернативу. Их нельзя смешивать, если от объяснения зависит следующий выбор.

Предположим, встреча сорвалась. Один человек не получил сообщение, другой не уточнил адрес, третий решил, что всё уже согласовано. После события легко сказать, что иначе быть не могло. Но это не устанавливает, какие действия были доступны раньше. Знание результата сужает внимание к тем условиям, которые к нему привели.

Такой бытовой пример не является применением всей космологии Авиценны. Он помогает отделить модальный вопрос — что возможно или необходимо — от психологического ощущения предсказуемости. Именно это ощущение часто позволяет задним числом делать события гораздо понятнее, чем они были участникам.

Признание зависимости требует следующего вопроса: от чего именно зависит существование или событие? Нельзя остановиться на слове «обстоятельства». Оно слишком легко превращается в пустой контейнер. В конкретной жизни полезно назвать условия, которые можно проверить, и отдельно — предположение об окончательном основании, которое уже принадлежит философскому рассуждению.

Из объяснения прошедшего также нельзя прямо вывести бесполезность будущего выбора. Если встреча сорвалась из-за сообщения, адреса и предположения о согласии, в следующий раз можно изменить именно эти условия. Даже человек, считающий мир строго причинным, должен объяснить, почему его собственное действие не входит в причинную последовательность. Фраза «всё обусловлено» сама по себе не является инструкцией ничего не делать. Она может, напротив, обратить внимание на действие как

одно из условий. Это наш ограниченный довод о практике; он не решает исторический спор о свободе в системе Ибн Сины.

III. Необходимое основание не является большим предметом

Когда Ибн Сина говорит о необходимом существующем, он не предлагает добавить к перечню вещей ещё одну особенно мощную вещь. Предмет вопроса меняется: почему есть зависимое существование и что может быть основанием, не требующим того же объяснения? Эту линию нельзя полностью воспроизвести несколькими бытовыми примерами.

Обзор философии Ибн Сины Димитри Гутаса помогает увидеть, что речь идёт о системе взаимосвязанных доводов. Поэтому знакомство с одним термином не даёт права объявить доказанным весь результат. Читателю нужно понимать посылки, шаги вывода и место рассуждения в более широком произведении.

Наиболее важная опасность здесь — спрятать вопрос в определении. Если назвать основание «не требующим основания», остаётся выяснить, что позволяет принять его существование. Определение обозначает предполагаемый статус; оно не обязано автоматически убедить человека, который ещё не принял исходные шаги аргумента.

Можно также спросить, действительно ли объяснение должно завершаться, какого рода завершение требуется и не меняется ли смысл причины в процессе рассуждения. Это содержательные философские возражения. Они не становятся несерьёзными от того, что вопрос обсуждается столетиями.

В современной речи слово «основание» иногда используется намного свободнее. «Основа проекта — доверие», «основа семьи — любовь», «основа работы — дисциплина». Такие формулы могут быть полезны, но не принадлежат автоматически той же метафизике. Доверие зависит от поведения людей; дисциплина меняется; любовь требует конкретного отношения. Их нельзя объявить необходимым бытием ради усиления фразы.

Историческая мысль сохраняет достоинство, когда мы не превращаем её в украшение. Авиценна ставит вопрос о существовании как таковом. Человек, планирующий общую работу, ставит вопрос об условиях её устойчивости. Между вопросами можно провести аналогию, но она не заменяет различия масштаба.

Именно масштаб помогает понять, почему философское чтение иногда приносит не готовый ответ, а более точное незнание. Мы начинаем видеть, какую часть вопроса действительно решили и где только нашли слова, обозначающие следующую трудность.

IV. Душа не равна списку приятных качеств

Современное слово «душа» легко звучит как название глубины, доброты или скрытого истинного «я». У Ибн Сины оно находится внутри философской психологии и вопроса о живых существах. Для обсуждения человеческой души недостаточно перечислить чувства и предпочтения.

В исследовании арабской и исламской философии сознания Альфред Айври рассматривает исторические понятия души и познавательных способностей. Такой контекст важен: разные функции чувствования, воображения и мышления не были одним неразличённым внутренним пространством. Однако историческая схема сама по себе не является современной нейробиологической моделью.

Когда человек говорит «это моя душа», он может обозначать нравственную позицию, эмоциональную реакцию, самосознание или религиозное убеждение. Чтобы спор не стал бесплодным, следует уточнить, какой вопрос имеется в виду. Иначе один участник будет обсуждать бессмертие, другой — достоинство, третий — происхождение переживаний.

В условном разговоре музыкант говорит, что вкладывает душу в исполнение. Исследователь спрашивает, какая телесная деятельность делает исполнение возможным. Между ними не обязательно есть противоречие: первый описывает значение действия, второй — условия процесса. Но если из выразительности исполнения выводят доказательство отдельной нематериальной сущности, понадобится дополнительный аргумент.

Обратный переход тоже требует осторожности. Описание телесных условий не исчерпывает автоматически вопрос о том, как исполнение переживается человеком и что оно значит для него. Можно знать устройство инструмента и всё ещё не объяснить конкретное произведение. Это не доказывает нематериальную душу; это показывает, что разные описания выполняют разную работу.

Поэтому философская психология полезна прежде всего как дисциплина вопросов. Что нужно объяснить: способность действовать, доступ к собственному состоянию, единство человека, знание общего понятия? Если не разделить эти задачи, одно привлекательное слово будет отвечать сразу на всё и фактически не объяснять ничего.

V. Человек, который не чувствует тела

Мысленный опыт «парящего человека» устроен как предельное изменение условий. В рассмотренной версии нужно вообразить человека, созданного сразу, без прежней истории, с исключёнными ощущениями и не соприкасающимися конечностями. Вопрос касается того, будет ли он утверждать собственное присутствие, не осознавая тело.

Питер Адамсон и Фёдор Беневич в исследовании этого аргумента приводят перевод соответствующего места «О душе» и анализируют его цель. Их чтение направлено на сущность души и предполагает спорные условия доступа к ней. Поэтому знаменитая сцена не является простым лабораторным доказательством, будто сознание существует без мозга.

Важно заметить слово «вообразить». Перед нами не отчёт о человеке, которого действительно удалось поместить в такие условия. Обычный участник, закрывший глаза, не подходит: у него есть память, телесные состояния, язык и история развития. Даже отсутствие внимания к части тела не означает отсутствия её роли.

Мыслительный опыт намеренно убирает привычные сведения, чтобы направить внимание на определённое различение. Но его сила зависит от того, что считается допустимым вообразить и какие выводы разрешены из этого воображения. Читатель вправе не согласиться с одним из этих переходов.

В собственном условном примере можно описать зрителя, который не знает устройство спектакля. Он видит сцену и способен отличить спектакль от кресла, в котором сидит. Однако незнание устройства не показывает, что спектакль существует без сцены, света и актёров. Это наш пример возможной ошибки вывода, а не точное опровержение всей позиции Авиценны.

Чтобы проверить более сильный вывод, полезно выписать возможную связующую посылку: всё существенное для моего существования должно было бы присутствовать в непосредственном самоосознании. Это наша пробная формулировка условия перехода, а не цитата или новая реконструкция позиции Авиценны. Если принять такое условие, отсутствие тела в осознании получит больший вес. Но само условие ещё требует обоснования: почему способ доступа обязан показывать все условия существования? Если его не принять, предполагаемое самоосознание сохраняет значение, а вывод о независимости требует другого аргумента. Так читатель может временно согласиться с исходной сценой и всё же остановиться на переходе к её сильному истолкованию. Несогласие становится адресным: нужно исследовать связь между осознанием и тем, что оно позволяет утверждать о сущности.

Трудность должна остаться открытой: разные способы доступа к предмету не обязательно означают разные способы его существования. И одновременно из телесных условий не следует, что вопрос о непосредственном самосознании уже решён. Мыслительный опыт ценен тем, что заставляет рассмотреть эту развилку, а не тем, что позволяет объявить одну её сторону очевидной.

VI. Знать себя — не значит знать всё о себе

В обсуждении самосознания есть особенно соблазнительный переход: если я непосредственно знаю, что присутствую, значит, я непосредственно знаю, кто я и почему действую. Эти утверждения различны. Доступ к переживанию собственного состояния не равен знанию его причин или полной сущности человека.

В научном разговоре Питера Адамсона и Яри Кауккуа, опубликованном Johns Hopkins University Press, обсуждаются особенности самосознания и соотношение с чувственным опытом у Авиценны. Разговор показывает, что интерпретация исторического текста сама остаётся предметом аргументированного исследования, а не общего согласия всех специалистов.

Для повседневной жизни полезна более узкая мысль. Человек может быть уверен, что сердится, и ошибаться в объяснении гнева. Он может чувствовать облегчение и не понимать, что именно изменилось. Он может ясно видеть намерение помочь и одновременно не замечать, что предложенный способ помощи неудобен другому.

В условной ситуации человек говорит: «Я знаю себя: я никогда не завидую». Возможно, в данный момент он не обнаруживает такого переживания. Но общее утверждение о невозможности состояния гораздо сильнее. Оно закрывает будущую проверку: всякое неприятное чувство придётся назвать иначе, чтобы сохранить портрет.

Поэтому непосредственность не равна непогрешимости во всех отношениях. Полезно различить присутствие, описание, объяснение и оценку. «Мне больно» сообщает о состоянии. «Это произошло из-за твоего намерения унизить меня» добавляет причинную гипотезу о другом человеке. «Поэтому я должен ответить тем же» добавляет нормативный вывод. Одного основания недостаточно для всей цепочки.

Это наше современное применение, не теория эмоций Авиценны. Его смысл — сохранить ценность первого лица, не расширяя её бесконтрольно. Человека не нужно лишать права сообщать о собственном переживании ради проверки его объяснения. Можно признать сообщение и одновременно исследовать следующий шаг. Тогда уважение и точность не обязаны становиться противниками.

VII. Воображение не служит заменой наблюдению

Мысленный опыт может быть полезен, когда проверяет смысл понятия, возможное следствие или скрытую посылку. Но он не выполняет автоматически работу эмпирического исследования. Если вопрос касается наблюдаемого процесса, нужны сведения о том, что действительно происходит, и условия их получения.

В исследовании естественной философии Ибн Сины Джон Макгиннис показывает историческое устройство вопросов о природе. Важен сам контекст: Авиценна работал не только с красивыми внутренними сценами, а с системой природных и познавательных вопросов своего времени. Сводить его целиком к «парящему человеку» было бы столь же неточно, как принимать весь его труд за современную экспериментальную науку.

В условной разработке услуги команда представляет идеального пользователя: он спокойно читает инструкцию и выбирает нужное действие. Это мысленная модель. Она может выявить логическое противоречие в последовательности экранов. Но она не покажет сама по себе, сколько реальных людей заметят кнопку или как поведут себя в спешке.

Один способ работы не обязан унижать другой. Без модели наблюдения могут остаться бессвязными; без наблюдений модель может стать самодовольной. Вопрос состоит в том, какой результат сейчас получен. Мы обнаружили возможный сценарий? Установили правило? Измерили поведение? Подтвердили объяснение? Эти результаты нельзя назвать одним словом «проверено».

То же касается исторического аргумента о душе. Можно точно восстановить текст, понять его цель, обнаружить спорную посылку и всё ещё не решить современный вопрос о сознании. Это не провал чтения. Это честное указание на то, какую работу оно выполнило.

Когда мысли приписывают лишний результат, она становится слабее. Спор сосредоточивается на обещании, которого у неё не было необходимости давать. Напротив, ограниченное, ясно сформулированное различение может оставаться полезным даже для человека, который отвергает последующий метафизический вывод. Точность иногда начинается с уменьшения притязания.

VIII. Понимание требует связующего шага

Мы нередко знаем начало и конец рассуждения, но не понимаем перехода. Фраза «сущность отличается от существования» знакома; вывод о необходимом основании тоже знаком. Если промежуточная работа не восстановлена, знание терминов создаёт лишь видимость понимания.

В исследовании логики Ибн Сины рассматриваются условия вывода, определения и доказательной работы. Для нашего чтения важна ограниченная мысль: результат требует устройства аргумента, а не только наличия правильных слов. Мы не воспроизводим здесь его полный логический аппарат.

Условный человек знает, что отдых важен, и решает немедленно отменить все обязательства. Между этими предложениями не хватает нескольких шагов. Какое состояние он хочет изменить? Какие обязанности реально существуют? Какие способы отдыха доступны? Кто будет затронут? Общий верный тезис не определяет автоматически конкретное действие.

Другой человек знает, что отношения требуют доверия, и делает вывод, будто проверка договорённостей оскорбительна. Но доверие может включать ясность условий. Чтобы обосновать свой вывод, ему нужно объяснить, почему конкретная проверка уничтожает отношение, а не поддерживает его. Иначе слово «доверие» просто занимает место отсутствующего довода.

При чтении сложной философии полезен небольшой практический приём: восстановить одно промежуточное предложение собственными словами. Если не получается, не закрывать пробел именем автора. Можно отметить, что именно осталось непонятным, и вернуться к соответствующему месту. Такая остановка экономит дальнейшую работу: мы не строим применение на переходе, который ещё не поняли.

Важен и обратный тест. Могу ли я привести пример, при котором мои исходные предложения верны, а выбранный вывод не возникает? Если да, возможно, требуется дополнительное условие. Это не универсальный способ решить любой философский спор, но хороший способ обнаружить слишком широкий переход.

Уважение к Авиценне тогда выражается не в готовности повторить сильный итог, а в готовности пройти часть пути. Большая система не обязана стать сразу нашей системой. Достаточно сначала научиться отличать узнанный термин от восстановленного рассуждения.

Есть и отдельная проверка языка уверенности. «Я могу это объяснить», «мне кажется, это объяснение подходит» и «у меня есть основание исключить альтернативы» сообщают разные результаты. Когда их произносят одинаково уверенно, собеседнику приходится угадывать степень опоры. Можно сделать разговор яснее, не добавляя длинных оговорок: назвать один факт, один связующий шаг и одно существенное неизвестное. Тогда вопрос получает продолжение. Например, мы знаем, что сообщение не было прочитано; предполагаем, что поэтому человек не пришёл; пока не знаем, были ли у него другие причины. Такая формулировка позволяет уточнить объяснение, а не только защищать его.

IX. Одно самоосознание и несколько философских задач

Самоосознание становится яснее, когда мы различаем вопрос, на который оно должно ответить. У Ибн Сины «парящий человек» введён внутри исследования души. У Декарта в четвёртой части «Рассуждения о методе» мыслящий обнаруживается после сомнения в чувствах, рассуждениях и сновидениях. Воображаемое отсутствие телесного восприятия в одном случае и методическое сомнение в другом — разные условия работы.

Сходство состоит в попытке выделить самоудостоверение, которое не совпадает с перечнем воспринимаемых частей тела. Но если мы уже признали наличие переживания Я, вопрос о том, что именно из него следует, остаётся открытым. Оно не сообщает само по себе всей природы души, её отношения к телу или условия бессмертия. Именно поэтому современные исследователи Авиценны разбирают отдельные переходы его аргумента. Приписывать здесь историческое влияние одного автора на другого без свидетельств не требуется: аналитического сопоставления достаточно, чтобы обнаружить разные задания.

Смена текста меняет и смысл возражения. В SN 22.59 телесная форма, чувство и другие совокупности проверяются на возможность присвоить их как устойчивое Я. Это не тот же мысленный опыт с другим итогом: меняется способ исследования и освобождающая цель. Буддийский текст не предоставляет отсутствующую экспериментальную проверку Авиценны. Он показывает, что вопрос о себе можно поставить иначе, не сведя присутствие переживания к обладанию неизменной сущностью.

Есть и отдельное сопоставление необходимости. В третьем пути Фомы Аквинского исходный ход связан с возникающими и исчезающими вещами. Авиценновское различение возможного самого по себе и необходимого благодаря причине организует иной анализ. Сходный словарь требует читать переходы, а не соединять аргументы в один.

Вернёмся к плану дома. Назвать его «необходимым» может означать необходимость для нашей цели; назвать необходимым существование у Авиценны — сказать совсем другое. Так же и фраза «я себя знаю» способна означать присутствие опыта, биографическую осведомлённость или философское знание природы души. Чем точнее мы различаем эти утверждения, тем меньше вынуждены выбирать между безоговорочным согласием и общим отказом от всей мысли автора.

X. Между ясным понятием и открытым вопросом

Ибн Сина не предлагает удобной свободы от условий. Его различения, напротив, заставляют внимательнее смотреть, что именно известно и каким способом. Сущность не выдаёт автоматического удостоверения внешнего существования. Достоверность наблюдения не превращает предмет в необходимое само по себе. Самосознание не объясняет мгновенно всё устройство человека.

Вопросы остаются связанными, но не становятся одинаковыми. Метафизический довод требует собственных оснований. Исторический текст — точного чтения. Современное утверждение о теле и сознании — соответствующих ему исследований. Повседневное решение — сведений об обстоятельствах и последствиях для участников.

Сохранение этих границ иногда кажется потерей глубины. Нам хочется, чтобы одна большая идея объяснила сразу мир, человека и конкретный конфликт. Но такой охват легко достигается ценой точности. Чем больше обещает формула, тем меньше остаётся возможности заметить, где она действительно работает.

Вернёмся к дому на чертеже. Его описание может быть прекрасным, и строительство всё ещё не началось. Это не повод уничтожать описание. Это повод назвать следующую работу. Аналогично философский аргумент может открыть значимое различение, и окончательный ответ всё ещё не получен. Это не повод считать чтение напрасным.

Иногда зрелое понимание начинается с возможности сказать: здесь я знаю, о чём речь; здесь понимаю переход; здесь принимаю посылку; здесь пока не убеждён. Такая речь медленнее готового согласия, зато позволяет действительно участвовать в рассуждении.

Авиценна остаётся собеседником именно потому, что его мысль допускает эту работу. Мы можем не выбрать его окончательный ответ и всё же точнее увидеть собственный вопрос. Между определением и существованием, телом и доступом к себе, воображением и наблюдением открывается не пустота, а пространство для внимательного исследования.

Что это значит на практике

Практическое чтение этой темы можно начать с различения описания и осуществления. Выберите один проект, обещание или самоопределение. Не нужно превращать всю жизнь в философское упражнение: достаточно ограниченного предмета, который действительно вызывает вопрос.

Сначала запишите, что именно описано. Например: «Мы создаём место, где люди могут спокойно разговаривать». Затем отдельно назовите, что уже существует: помещение,

договорённость, расписание, участники, правило приватности. Затем — что пока существует только в намерении. Такое разделение не обесценивает проект; оно показывает условия его перехода в действие.

Следующий шаг касается необходимости. Что действительно должно быть выполнено, чтобы замысел состоялся? Что является лишь привычным способом? Возможно ли иное устройство? Условная встреча может требовать согласованного времени, но не обязательно одного конкретного приложения. Если перепутать условие и привычку, решение станет жёстче, чем требует задача.

Затем рассмотрите знание о себе. Что вы непосредственно замечаете? Что объясняете предположительно? Какие сведения о другом человеке добавляете без проверки? Фраза «мне тревожно» не обязана исчезать, когда причина остаётся неизвестной. Признанное неизвестное позволяет уточнить ситуацию без отрицания переживания.

Наконец, проверьте одно применение аналогии. Почему оно кажется подходящим? Какое различие сохраняет? Где ломается? Чертёж и дом помогают различить замысел и осуществление, но не объясняют все отношения сущности и существования. «Парящий человек» помогает поставить вопрос о самосознании, но не заменяет фактов о живом теле.

Можно завершить работу маленьким результатом: уточнённым обещанием, найденным условием, отмеченной посылкой или более точным вопросом. Не обязательно немедленно принимать метафизическую систему или окончательно определять свою природу. Философское чтение имеет право изменить один переход в рассуждении.

Это и есть практическая мера: после знакомства с большой мыслью стало ли меньше незаметных подмен? Если план больше не называется результатом, уверенность — необходимостью, а переживание — знанием всех причин, появилось пространство для следующего действия. Его всё ещё придётся выбрать самому.

Ключевая цитата

> *«Я мыслю, следовательно, существую.»*
>
> *Рене Декарт, Рассуждение о методе, IV; английский перевод John Veitch. Русский перевод автора статьи с английского. Сопоставление уточняет самоудостоверение, сохраняя различие задач Декарта и Авиценны.*

Связи между традициями

Это наши аналитические сопоставления. Историческое влияние не утверждается там, где для него не приведено свидетельство.

Предмет	Позиции и опоры	Что позволяет сравнить	Где проходит граница
Сущность и наличие	Ибн Сина: метафизика — Спиноза, Этика I, определения и 29	Способ понимать вещь связан с вопросом основания её существования.	Модальная система Авиценны и спинозовская необходимость не равны; возможное нельзя перевести как один и тот же термин.
Возможное и необходимое	Авиценна: возможное само по себе — Фома, I q.2 a.3	Проверяется, достаточно ли конечного для объяснения существования.	Третий путь начинает с возникновения и исчезновения; его переходы не совпадают с авиценновским построением.
Самоудостоверение	Парящий человек, О душе I.1 — Декарт, Рассуждение IV	Присутствие мыслящего не совпадает с перечнем чувственных данных.	Отсутствие ощущений и методическое сомнение — разные условия; историческое влияние здесь не установлено.
Себя знать и себя присваивать	Парящий человек — SN 22.59	Опыт себя требует отдельного исследования.	Авиценна ищет характеристику души; сутта проверяет неприсвоение совокупностей как Я. Одинаковая душа не постулируется.
Уверенность и довод	Авиценна: реконструкция аргумента — Аль-Газали, §6–24	Сильное ощущение уверенности и обоснование вывода различаются.	Газалиевский кризис и восстановление достоверности — религиозное свидетельство, не продолжение опыта Авиценны.

Первоисточники

Первичные тексты, нормативные документы и исследовательские комментарии различены в подписях. Название раздела не делает справочное исследование первоисточником.

1. Amos Bertolacci. Ibn Sina’s Metaphysics. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Сущность/существование, возможное/необходимое.

2. Dimitri Gutas. Ibn Sina. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Системный контекст философии и познания.

3. Alfred Ivry. Arabic and Islamic Psychology and Philosophy of Mind. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Историческая философская психология.

4. Peter Adamson, Fedor Benevich. The Thought Experimental Method: Avicenna’s Flying Man Argument. Journal of the American Philosophical Association, 2018. Перевод места «О душе», предпосылки и возражения.

5. Peter Adamson, Jari Kaukua. Journal of the History of Philosophy podcast transcript. Johns Hopkins University Press. Разговор о самосознании и опыте у Авиценны.

6. Jon McGinnis. Ibn Sina’s Natural Philosophy. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Контекст исследования природы.

7. Riccardo Strobino. Ibn Sina’s Logic. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Понятия, определения и доказательная работа.

8. **Рене Декарт. Рассуждение о методе, IV; английский перевод John Veitch. Первичный текст: сомнение и самоудостоверение мыслящего.** Текст и использованное место.

9. **Фома Аквинский. Сумма теологии, I, q.2, a.3, третий путь. Первичный текст: возможное и необходимое; англоязычное издание New Advent.** Текст и использованное место.

10. **SN 22.59, Pañcavaggi / Anattalakkhaṇa Sutta; перевод Thanissaro Bhikkhu. Первичный буддийский текст: непостоянство пяти совокупностей и их неприсвоение как Я.** Текст и использованное место.

11. **Спиноза. Этика, I, определения III–V и теоремы 15, 18, 29; английский перевод R. H. M. Elwes. Первичный текст: субстанция, модусы, имманентная причина и необходимость.** Текст и использованное место.

12. **Аль-Газали. Al-Munqidh min al-Ḍalāl / Избавляющий от заблуждения; английский перевод Richard J. McCarthy. Первичный текст: достоверность, логика, знание пути и осуществление; выбранные §§6–24, 37–45, 80–85.** Текст и использованное место.

Теги

Ибн Сина, Авиценна, сущность, существование, возможное, необходимое, метафизика, душа, самоосознание, парящий человек, мысленный опыт, восприятие, воображение, философский довод, эпистемология, логика, понятие, причина, телесность, сознание, Декарт, Фома Аквинский, Спиноза, Аль-Газали, буддизм, Я, неприсвоение, аргументация, модель, история философии

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.